

УДК 821.161.1

Л. В. Гармаш

Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды

**Ф. М. Достоевский в литературно-критических трудах Андрея Белого:
диалектика самопознающего сознания**

Гармаш Л. В. Ф. М. Достоевский в литературно-критических трудах Андрея Белого: диалектика самопознающего сознания. В статье предпринят анализ рецепции Андреем Белым философско-этических взглядов и художественных открытий Ф. М. Достоевского. Рассмотрена динамика изменений оценки представителем младшего поколения символистов личности и творческого наследия Достоевского с целью выделения тех этапов, которые соответствуют известной гегелевской диалектической триаде – тезис, антитезис, синтез. Обозначены три периода, во время которых оценка Белым творчества великого классика претерпевала значительную трансформацию: апологетический (преклонение перед кумиром в юношеские годы), критический (резкое неприятие личности и творчества писателя в том виде, который сформировался в сознании современников Белого) и синтетический (принятие художественного мира Достоевского в его целостности и полноте).

Ключевые слова: диалектика, самопознание, Достоевский, апологетика, критика, синтез.

Гармаш Л. В. Ф. М. Достоевський у літературно-критичних працях Андрія Белого: діалектика самосвідомості. У статті здійснено аналіз рецепції Андрієм Белим філософсько-етичних поглядів і художніх відкриттів Ф. М. Достоевського. Розглянута динаміка змін оцінки представником молодшого покоління символістів особистості і творчої спадщини Достоевського з метою виділення тих етапів, які відповідають відомій гегелівській діалектичній тріаді – теза, антитеза, синтез. Окреслено три періоди, під час яких оцінка Белим творчості великого класика зазнавала значної трансформації: апологетичний (схиляння перед кумиром у роки юності), критичний (різке неприйняття особистості і творчості письменника в тому вигляді, який сформувався у свідомості сучасників Белого) і синтетичний (прийняття художнього світу Достоевського у його цілісності та повноті).

Ключові слова: діалектика, самопізнання, Достоевський, апологетика, критика, синтез.

Garmash L. V. F. M. Dostoevsky in literary and critical works of Andrei Bely: the dialectic of the self-knowing consciousness. Andrei Bely's reception of philosophical views and artistic discoveries of F. M. Dostoevsky has analyzed. The dynamics of changes in the assessment of a representative of the younger generation of symbolists of the personality and creative heritage of F. M. Dostoevsky in order to highlight those stages that correspond to well-known Hegelian dialectical triad – thesis, antithesis, synthesis has considered. Three periods, during which Bely's assessment of the work of the great classical writer had been undergone significant transformation: the apologetic (admiration for the idol in his teenage years), critical (sharp rejection of the personality and creativity of the writer, which was formed in the minds of Bely's contemporaries) and synthetic (acceptance of the artistic world of Dostoevsky in its entirety and completeness) have marked.

Key words: dialectics, self-knowledge, Dostoevsky, apologetics, criticism, synthesis.

Проблема рецепции Андреем Белым философско-этических взглядов и художественных открытий Достоевского неоднократно привлекала внимание ученых. В разное время к ее решению обращались Л. Силард, Ж. Нива, Л. К. Долгополов, Дж. Элсворт, А. В. Лавров, Р. И. Крысин и другие исследователи. В статье предпринята попытка проследить динамику изменений оценки представителем младшего поколения символистов личности и творческого наследия Достоевского с целью выделения тех этапов, которые соответствуют известной гегелевской диалектической триаде – тезис, антитезис, синтез. Не случайно такие известные философы Серебряного века, как С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев, увидели в романе Белого «Серебряный голубь» непосредственное

продолжение идей автора «Братьев Карамазовых». В письме Белому Булгаков подчеркнул: «Я совершенно потрясен Вашей книгой. В ней Вам удалось такое проникновение в народную душу, какого мы не имели еще со времен Достоевского» [14:238]. На диалектическое сопряжение традиций и новаторства в «Серебряном голубе» обратил внимание Бердяев, для которого гениальность автора романа выразилась, прежде всего, в глубоком постижении «объективной стихии России» [12:104]. По мнению философа, «в романе Белого чувствуется возврат к традициям великой русской литературы, но на почве завоеваний нового искусства» [12:104]. В литературоведении накопилось достаточное число работ, доказывающих, что наиболее весомое художественное достижение Белого – роман «Петербург» – был написан в значительной степени под влиянием «Бесов» и «Братьев Карамазовых».

Не будет большим преувеличением утверждение современного исследователя о том, что «именно Достоевский переживает в начале века второе рождение в творчестве Андрея Белого» [18:122].

В течение всей своей жизни Андрей Белый обращался к наследию классиков русской литературы, рассматривая философско-эстетические основы символизма как завершающий этап развития всей предшествующей культуры. Сам писатель отличался склонностью вычленять и подробно анализировать отдельные периоды своего жизненного и творческого пути. Мы, в свою очередь, также полагаем, что в теоретических работах Андрея Белого, посвященных творчеству Достоевского, можно выделить три последовательных этапа, отразивших становление взглядов младосимволиста на будущее России.

Белый по-своему стремился разрешить ряд важных вопросов, поставленных в произведениях Достоевского, начиная с историософской проблемы Востока и Запада, апокалиптических предчувствий Второго Пришествия и чаемого Преображения мира, борьбы «идеала Мадонны» (Софии, Премудрости Божьей) с «идеалом содомским», предназначения художника и трагедии творчества, народа и интеллигенции, заканчивая петербургским мифом с его символикой камня, серого и желтого цвета, столкновением рационального и иррационального начал.

Творчеством Достоевского будущий символист стал интересоваться еще в ранней юности. А. В. Лавров, автор одной из наиболее значительных статей на эту тему «Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы)», относит начало первого периода рецепции творчества великого писателя представителем символизма к осени 1897 года [16:131]. В мемуарах «На рубеже двух столетий» Белый вспоминал, как в старших классах гимназии он настолько увлекся чтением произведений Достоевского, что больше ни на что не оставалось времени и он совершенно забросил учебу: «в день, когда я кончил роман («Преступление и наказание». – Л. Г.), я начал «Идиота»; посещение гимназии отсрочилось до окончания чтения главных романов Достоевского» [5:319]. Наряду с Ницше, Ибсенем и Владимиром Соловьевым Достоевский становится одной из ключевых фигур, наиболее значимых с точки зрения формирования мировоззрения Бориса Бугаева (настоящее имя Андрея Белого), во многом обусловившей идейно-художественное своеобразие его произведений. Наиболее сильное впечатление произвело на Белого литературно-критическое эссе Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», опубликованное в 1900–1902 годах. Пытаясь найти ответы на животрепещущие вопросы современности, Мережковский противопоставил «тайновидца плоти» Толстого «тайновидцу духа»

Достоевскому. Белому, переживавшему в это время так называемый «период зорь», охваченному апокалиптическими предчувствиями и пытавшемуся в малейших намеках прочесть и предсказать Второе Пришествие Христа, особенно близким становится фигура «духовидца» Достоевского, каким он его себе представлял. Находясь под сильным впечатлением от символических образов Мережковского, Белый не только их противопоставляет, но находит также общее начало, которое, по мысли писателя, служит залогом дальнейшего развития искусства на пути к теургическому сознанию: «Литература в обоих есть выход из литературы; в обоих уж слово становится делом» [6:67]. В отзыве на книгу Мережковского, напечатанном в первой книжке «Нового Пути» в 1903 году, Белый пытается разрешить дилемму, поставленную старшим современником, используя для этого предложенную Мережковским символику «двух бездн»: «Соединение необходимо, но не бездн, а рассудка и чувства - в Божественную Волю, для облегчения пути к верхней бездне, при одном условии: не оглядываться на «нижнюю бездну», чтобы не уподобиться жене Лота, обернувшейся на Содом. Когда же будет достигнута «верхняя бездна», обе бездны соединятся» [7:157].

Ярче всего, пожалуй, стремление Белого к диалектическому мышлению демонстрируют его теоретические работы «Эмблематика смысла», «Кризис культуры», но в целом оно характерно как для его литературно-критического, так и художественного творчества. Именно воззрения Гегеля на синтез как на снятие, соединяющее в себе утверждение и его отрицание, но уже в переработанном виде, сохранив всё содержание предшествующего развития [15], стало основополагающим одним из важнейших методов писателя – метода эмблематизации. Несмотря на в целом критическое отношение к гегелевской философии, не разделяя с ним взгляды на сущность искусства, Белый был убежден, что «нами чаемый Гегель был впереди нас, – его мы должны были создать, потому что Вл. Соловьев был для нас лишь звуком, призывающим к отчаливанию от берегов старого мира» [1:24–25]. В трудах немецкого философа писатель находит веские доводы для утверждения идеи триединства: «метафизика Гегеля обосновывала тройственность в виде закона диалектического развития» [8:53].

Размышления Белого о символизме центрирует идея синтеза, предполагающая органическое единство философии, религии, науки и искусства. На протяжении многих лет все усилия Белого направлены на построение системы «цельного знания», в основу которой должна быть положена, по его мнению, эстетика, неразрывно слитая с этикой, что сродни представлениям о красоте,

характерным для мировоззренческой позиции Достоевского: внешняя красота есть лишь форма для выражения красоты внутренней, нравственной, без которой она превращается в демоническую личину, под которой прячется без-образное, хаотическое начало, несущее разрушение и смерть без преображения.

Завершение «периода зорь» обозначило наступление в 1901-1902 годах нового этапа в восприятии Белым Достоевского – «критического». В «Симфонии (2-й, драматической)» он откровенно высмеивает многочисленных последователей Мережковского – любителей мистицизма, каждый из которых «знал наизусть Достоевского... Иной раз можно было видеть чудака, похлопывающего по «Братьям Карамазовым», разражающегося такими словами: «Федор Михайлович загадал нам загадку, и мы теперь ее разгадываем» [9:125], причем делает это, буквально повторяя слова из речи самого Достоевского о Пушкине, произнесенной им 8 июня 1880, и в то же время намекая на процитировавшего эти же слова ранее Мережковского, утверждавшего, что Достоевский «только загадал нам свои загадки; от необходимости разгадывать их его самого едва отделял волосок. Нас уже ничего не отделяет от этой необходимости. Мы стоим лицом к лицу с нею: мы должны или разгадать или погибнуть» [17:114].

Перечитывая романы Достоевского, Белый теперь по-новому расставляет акценты, в «Материале к биографии отметив, что «из произведений Достоевского кроме любимейших «Братьев Карамазовых и «Идиота» в эту зиму особенно мне говорит «Подросток»» [3:33]. От апокалиптических предчувствий представитель младшего поколения символистов переходит к попыткам обосновать жизнотворческие установки, видя в истинном искусстве непосредственную связь с теургией, позволяющей творцу преодолеть рамки художественной условности и тем самым уничтожить границу, отделяющую реальность и поэтический вымысел.

Усилилось неприятие Белым так называемой «достоевщины» в канун революции 1905 года, когда «трагизм жизни» вышел для него на первый план и для него стали очевидны противоречия «жесточкого таланта» Достоевского. Впрочем, здесь сказывается прежде всего попытка Белого дистанцироваться от «психологической дрызготни», что приводит его к решению использовать следующий тактический приём: «умалить Достоевского в борьбе с «достоевщиной»» [4:207].

Изменения, произошедшие в мировоззрении Белого, отразились в статье «Ибсен и Достоевский», где дана уничижительная оценка творчества писателя: «Неимоверная сложность

Достоевского, несказанная глубина его образов – наполовину поддельная бездна, нарисованная иной раз прямо на плоскости», а сам автор назван «великим путаником» и «политиканствующим мистиком» [8:196]. Разочарование в героях Достоевского во многом вызвано утратой Белым прежних идеалов, переоценке сложившейся к тому времени системы ценностей и поиском новых путей. Оказавшись в пограничной ситуации, Белый в 1905 году пишет статью с красноречивым названием «На перевале», в которой делится острым ощущением трагического одиночества: «На перевале к лучшему будущему нас встречают туманы. Мы опять одни. Голосам наших учителей не рассеять тучи сомнений, нас опоясавших. Мы принимаем эти сомнения, не спасаясь в безумие. Мы будем бороться холодом с холодом» [13:68]. Белый переживает «все признаки перелома от романтики, мистики символизма к реализму», от «пьянства души» к ясному, рациональному взгляду на мир [3:44] и, не будучи в состоянии найти у Достоевского ответ на вопросы о дальнейшей судьбе России, он развенчивает того, кому прежде поклонялся как пророку и вероучителю.

В начале 1906 года наступает, по нашему мнению, третий этап в восприятии Белым Достоевского. Уже в это время начинается серьезное переосмысление символистом личности и творчества великого классика, сопровождающееся отказом от односторонней (то апологетической, то нигилистической) оценки проблем, поставленных в произведениях Достоевского, а мировоззрение Белого становится «сложно-синтетическим, органически вбирая и элементы преодоленного им специфически символистского «нигилизма» и «отчаяния», и обретение новых духовных стимулов - чувство «второй зари»» [16:147]. Подчеркивая сложный, полный противоречий, а подчас и заблуждений характер творчества и личности Достоевского, автор литературных симфоний призывает к объективной и взвешенной оценке наследия русского классика: «Мы должны бороться с Достоевским, если он властно накладывает на нас свою терзающую десницу. Мы его любим, мы преклоняемся перед ним, как перед великим писателем земли русской, но кумиров не нужно нам. Борясь с обожествлением Достоевского, мы тем самым совершаем подвиг любви к его памяти» [2:91]. Белый приходит к выводу, что в творчестве Достоевского отразились болезни века. Пробуждая в читателях целый спектр негативных чувств, заставляя их переживать острую боль от «пыток, им созданных», Достоевский тем самым открывает пути, ведущие к радикальному преобразованию общества – к освобождению «красного феникса религиозного пожара» [2:90]. Среди основных работ, в которых Белый обращается к анализу идей

Достоевского, необходимо назвать статьи «Слово правды» (1908) и «Россия» (1910), а также доклад «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (1911). В «Слове правды» Белый утверждает в верности заветам старца Зосимы. От «горных вершин» Ибсена он обращается к земле, в этом он видит залог синтеза противоположных начал – горного и дольного, востока и запада: ««землю целуй неустанно», – улыбается старец Зосима у Достоевского. Вот где запад соединяется с востоком: в искании Бога живого» [10:61]. В целом же идеи Достоевского воспринимаются автором статьи «Трагедия творчества» как диалектическое единство противоположностей. Он утверждает, что в героях автора «Братьев Карамазовых» «сближены оба момента (безумия и святости. – Л. Г.), являя нам все наши противоречия преувеличенными до крайности; точно перед нами не мир, а колоссальные тени добра и зла» [11:30], сам роман называет «пламенной религиозной, психологической и диалектической проповедь самого Достоевского» [11:31], а души его героев рассматривает как арену борьбы божественного и дьявольского начал «за землю», как призыв к

грядущему возрождению.

Таким образом, в отношении Белого к Достоевскому прослеживаются две тенденции, внешне противоположные, но проистекающие из одного корня, благодаря чему оно может рассматриваться как диалектически целостное. Во-первых, в течение всей своей творческой биографии Белый обращался к решению вопросов, поставленных в работах Достоевского. Представителя младшего поколения символизма интересовала историсофская проблематика, почвенничество, понимание искусства как теургии, апокалипсис и эсхатология, народ и интеллигенция, религиозное преображение мира и т.д. Во-вторых, оценка Белым творчества великого классика менялась на протяжении ряда лет и прошла три этапа, которые мы условно назвали бы апологетическим, критическим (или нигилистическим) и синтетическим. В сознании Белого произошли значительные изменения: от преклонения перед кумиром в юности к резкому неприятию «достоевщины», и, в конце концов, к способности воспринимать художественный мир Достоевского во его целостности и полноте.

Литература

1. Белый А. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке / А. Белый // Записки мечтателей, 1922. – № 6. – СПб. – С. 5–122.
2. Белый А. Достоевский : По поводу 25-летия со дня смерти / А. Белый // Золотое Руно. – 1906. – № 2. – С. 89–91.
3. Белый Андрей. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора(1923) / Андрей Белый. – ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3.
4. Белый А. Между двух революций / А. Белый. – М. : Худож. литература, 1990. – 672 с.
5. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания : в 3 кн. Кн. 1. / А. Белый. – М. : Худож. литература, 1989. – 543 с.
6. Белый А. Начало века / А. Белый. – М. : Худож. литература, 1990. – 687 с.
7. Белый А. Отзыв на книгу Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Ф. Достоевский» / А. Белый // Новый Путь. – 1903. – № 1. – СПб. – С. 157–158.
8. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М. : Республика, 1994. – 528 с.
9. Белый А. Симфонии / А. Белый ; [вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова]. – Л. : Худож. литература, 1991. – 526 с.
10. Белый А. Слово правды / А. Белый // Весы. – 1908. – № 9. – С. 59–62.
11. Белый А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой / А. Белый // М. : Мусагет, 1911. – 46 с.
12. Бердяев Н. А. Русский соблазн // Русская мысль. – 1910. – № 11. – Отд. 2. – С. 104–112.
13. Бугаев Б. На перевале / Б. Бугаев // Весы. – 1905. – № 12. – С. 68–71.
14. Булгаков С. Н. Письма Андрею Белому (Б. Н. Бугаеву) / С. Н. Булгаков // Новый мир. – 1989. – № 10. – С. 238–241.
15. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
16. Лавров А. В. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы) // Андрей Белый. Проблемы творчества : Статьи. Воспоминания. Публикации. – М. : Сов. писатель, 1988. – С. 131–150.
17. Мережковский Д. Д. Пророк русской революции // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 : [сб. ст.] / [сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский]. – М. : Книга, 1990. – С. 86–118.
18. Подопригра М. Г. Ф. М. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / М. Г. Подопригра. – Ставрополь, 2000. – 183 с.